

Рубина Дина

СОБЕСЕДНИК

«Чувствую себя, как недоеная корова, которая мычит, страдает и ждет освобождения. Я ведь три года практически не писала, имея в загиашнике два незаконченных романа и массу более мелких заделов».

Более десяти лет назад писательница

ДИНА РУБИНА

была изгнана из СССР ее любимым писателем Куприным. Через неделю она вновь – на этот раз по своей воле – покидает Россию, увозя с собой сюжеты новых романов и обширную коллекцию Владимир Ильичей Лениных

МАМА-ШАНСОНЕТКА

До конца августа Дина Ильинична все еще будет называться официально и строго: глава департамента культурных связей Еврейского агентства «Сохнут». После чего, уехав домой в Иерусалим, она вновь превратится в свободного от государственной службы писателя Дину Рубину. На радость умеющим читать по-русски.

– Многие ваши вещи – про то, как вы, далеко не смеясь, пытаетесь расстаться со своим музыкантским прошлым. Почему?

– Так ведь семнадцать лет каторжных работ! Специальная школа да консерватория... Я была из породы так называемых музыкальных детей. Клеймо «музыкальный» означает – «хороший звук, но проблема с техникой и паническая боязнь сцены». Сейчас я пишу роман о Ташкенте, моем детстве – там, наверное, все это будет снова. О соскальзывающих, трясущихся руках. О концерте Грига, где партия правой руки выучена неплохо, поскольку справа сидит приемная комиссия, а левую до сих пор я учу в своих снах, хотя еще в молодости прервала все отношения с музыкой. Даже не раскланивалась при встречах. Лишь недавно – представляете, сколько лет прошло после окончания консерватории? – я стала опять – понемногу! – слушать музыку.

– И что испытали?

– Чудовищную ревность мастерового, принадлежащего одному виду искусства, к могуществу другого вида искусства. Ревность к тому, как легко и мгновенно, без слов, музыка, подобно обезумевшему хирургу, режет души направо и налево, имеет над ними полную власть – вне зависимости от того, есть ли, нет ли у человека музыкального образования. Меня с молодости одолевала эти приступы бессильной ревности. Помню, однажды в Гурзуфе мы с сестрой поехали на концерт симфонического оркестра из Ленинграда. Двери зала из-за жары были распахнуты на улицу. Грянули начальные аккорды Первой симфонии Брукнера – и в зал влетела большая белая бабочка. И порхала она над зрителем, над оркестрантами, над зрителями до самого конца... Вот это слияние музыки и белого пунктира полета бабочки мучает меня до сих пор, потому что я не понимаю: как достичь того же ощущения невероятной невесомости в прозе.

– Будучи сам консерваторцем, долго не понимал живопись: дескать, художники с огромным трудом пытаются изобразить трехмерное пространство там, где можно обойтись тремя нотами...

– У меня есть схожий провал – при всех моих литературных обреченностях – в отношениях с театром. И даже с кинематографом.

– Рискованное признание для сценариста.

– Более чем. Тем паче что сама я по темпераменту – актриса погорелого

театра. Знаете, старинные куплеты: «Наша мама – шансонетка, любит милостыню. Я вижу ее и начинаю рыться в сумочке, чтобы достать кошелек. Она оглядывается, видит меня – и кидается ко мне через дорогу, наперерез потоку машин. Я ей даю какую-то деньги и говорю: «Бабушка, что же вы так рискуете? Ведь вас могла машина сбить...» Она в ответ – горячо, благодарно и доверительно: «Спасибо, дочка. А тебе я желаю, чтоб, если собьет тебя, – так насмерть! Чтб не мучилась».

– С антисемитизмом в этом театре сталкивались?

– Как не столкнуться? Россия в этом плане – страна с почтенными традициями. В разговорах на бегу, в толстых тисненых томах, лежащих в приличных магазинах... Да и просто – в выразительных взглядах из толпы.

– Но почему нынешний антисемитизм при таких-то традициях – действительно прибежище бездарей? Нет среди них нового Гоголя, Достоевского, Чехова или Куприна. Один Свиридов – судя по недавно изданному дневнику.

– Не читала. Впрочем, дневники – это личное дело каждого человека. В отличие от общественно-ксенофобской деятельности, омерзительной во всех проявлениях. Я страстный приверженец Чехова. Произошел он, конечно, из среды мещанской, антисемитской – Таганрог, провинция, близкое соприкосновение с еврейской средой... Но почитайте-ка его письма: «Посылаю к Вам доктора Шапиро, он замечательный диагност, помогите ему устроиться на службу».

– Понятие «хоть еврей, да свой» вам знакомо?

– Разумеется. Но слишком много было этих Шапиро в рекомендательных письмах Чехова. Да и «Скрипку Ротшильда» антисемит не напишет... Заступлюсь я и за Куприна – того самого, который выиграл меня из России в девяностом.

– То есть?

– Да, мой любимый Куприн, автор «Суламифи» и «Гамбринуса». Именно его письмо издателю Батушкову, перепечатанное в газетке «Пульс Тушино» и расклеенное на нашей остановке, ошеломило меня безоглядой неприязнью, помните? – «...и не подпускайте их, ради Бога, к русской литературе, они обоссут ее и сами не заметят». Оно стало для меня последней каплей. Но сейчас я отношусь к

подобным выпадам спокойно: Куприн, человек пьющий, дал себе волю в частном послании. Он, во всяком случае, не подписывал открытых писем в газетах, как это делали советские писатели. Сейчас, имея за плечами Израиль, я гораздо более терпимо отношусь к национальным предпочтениям каждого человека – если, повторяю, это относится к сфере его частных чувствований.

А насчет того, что антисемит якобы измелчал... Давайте-ка проживем лет тридцать – пятьдесят. Вполне возможно, что в опубликованных дневниках замечательных людей мы с изумлением – или со смущением – обнаружим что-то подобное. И выясним, что и в наше время были весьма талантливые антисемиты.

– В одном из ваших рассказов нашен: «Свободный писатель» и «казенный счет» есть вещи несомненные. Вы уходите из «Сохнута» после трех лет службы из-за этого противоречия?

– Во-первых, закончился срок моего договора. Во-вторых, чувствую себя, как недоеная корова, которая мычит, страдает и ждет освобождения. Я ведь три года практически не писала, имея в загиашнике два незаконченных романа и массу всевозможных более мелких заделов. Вставала в пять утра для того, чтобы накропать хоть абзац-другой. За три года новогогого издавала – небольшую книгу новелл, потому что работа над романом требует 18-часового рабочего дня.

– У вас так?

– Ну, шестнадцать минимум – с перерывом на служение семейному очагу... И как та переполненная корова, я готова бежать куда угодно, ломая жерди забора, за которыми меня держат. И потом, три года – это достаточный срок для освоения нового опыта. Тютчев, Гете, Державин – не будем перечислять страдальцев нашего цеха, которым было что сказать о тяжелом хлебе чиновных должностей. Но это был достаточно интересный опыт. И, нагруженная им, я с оптимизмом смотрю в свободное домашнее будущее.

– Много ли сюжетов дали вам эти годы?

– Я человек суеверный. Скажу только одно слово: навалом! Исколесила Россию, за что своей службе трехлетней благодарна. Ну, представьте: бабка сидит в поезде, похлопывает себя по груди – а в лифчике, как обычно, деньги – и удовлетворенно говорит: «Гори хоть все селение, со мной мое имя». Ну где я такое еще услышу, как не в России?

Я жадно все это записывала: Россию ведь я не видала десять лет. А сейчас, за три года, навидалась. Ленин – по-прежнему святой покровитель российской провинции. Ох, какую коллекцию Лениных я насобираю!

– Ваша маленькая лениниана?
– Моя довольно-таки приличная

ДОСЬЕ "МН"

Из автобиографии Дины Рубиной:

«Родилась в 53-м в Ташкенте, уже после смерти Усатого, в семье художника и учительницы истории. Окончила специальную музыкальную школу при консерватории для одаренных детей. Такая элитная каторга... Затем – консерватория, преподавание в Институте культуры и прочий сор биографии, из которого давно уже выросли повести и рассказы».

Первый рассказ был напечатан в журнале «Юность», когда мне исполнилось шестнадцать лет. Читатели меня запомнили, любили, ждали журналов с моими вещичками. Так что страну я покинула уже, в общем, известным писателем.

Толстые журналы меня признали издали, из-за границы: наверное, надо было уехать, чтобы пробить плотину «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов». Правда, и писателем в Израиле я стала совсем другим, но это уже другая тема».

лениниана. Описываю в записных книжках те памятники Ленину, которые видела: пригодится. Вот в городе Истра он маленький и выкрашен серебрянкой – как елочная игрушка. В Клину – по-видимому, пребывание здесь Петра Ильича Чайковского наложило отпечаток на атмосферу города. Даже Ленин необыкновенно элегантен. Стоит в непринужденной позе в великолепно шитом костюме – такой дуся в парусиновой паре, и даже похаживает по городу. Очень интеллигентный Ленин. В Ростове – нога у него выставлена вперед, а рука, протянутая, как обычно, в светлое будущее, указывает: вот, мол, какие классные ботиночки я себе отхватил! И во многих местах он как хулиган слободской с этой кепкой: рука наотмашь, полы полупальто задраны... В общем, масса любопытных персонажей – и все они называются Владимир Ильич Ленин.

– И все похожи на свои города?

– Все. В Воронеже – ух какой страшный Ленин! Стоит, как пахан, над всем городом. И город очень жесткий, не в обиду воронежцам.

– Новые романы требуют свежих прототипов. Не боитесь, что они, по примеру ваших прежних, будут подавать на вас в суд?

– Что поделаешь, человек раним, хрупок, мнителен. Но я понимаю ощущения прототипа. Ты находишься в лапах захватчика. Ты, твое существо, твоя личность, твое имя – даже переделанное – вдруг становится достоянием общестственности. С какой стати и какого черта этот жалкий фигляр-литератор себе позволяет?.. Я это понимаю и всегда повторяю: «Да подлецы мы, подлецы. Подлецы мы скажные». И более нечего сказать на эту тему.

Я стараюсь менять имена, хотя это очень плохо. Вот Довлатов имен не менял – не потому, что был подлецом и стремился кого-то унижить, обидеть. А потому что пуповину имени между персонажем и прототипом обрезать страшно. Именно через нее проникают жизненные соки, которые делают персонаж живым, а не картонным.

– А если перед сдачей книги имя

взять и заменить? Использовать как строительные леса – и разобрать их?

– Это бывает: закрываешь глаза – и меняешь. Но имя должно быть приклеено к персонажу – до того, как последний затвердевает в своем литературном качестве. И это имя потом менять нельзя, не нужно.

– Персонаж рассыплется?

– Да не рассыплется. Просто у него выражение лица поменяется.

– То, что прототип рвется так или иначе набить лицо вам, – для вас мера признания или нечто иное?

– Это – тот штраф, который я должна заплатить. К штрафам вообще отношусь смиренно, в том числе к денежным. За исключением последних трех лет, я всегда была кем-то вроде мастерового на отхожем промысле: ездила со своими книгами, выступала, что-то зарабатывала – иногда довольно приличную сумму. И каждый раз небесная бухгалтерия сверяет дебет с кредитом и вычитает из моего бюджета подоходный налог. Не важно чем: допустим, на меня подадут в суд, и я оплачиваю адвоката – несмотря на то, что меня оправдали. Короче: штраф – надо платить. И я плачу.

– У вас на сайте многое выложено в бесплатном доступе, включая совсем новые вещи. Не обкрадываете себя?

– Ругают меня за это – и издатели, и читатели: «Вы же живете со своих книг, как же можно...» Но я это делаю. Мне жалко моих читателей где-нибудь в Сыктывкаре – им трудно найти мои книги.

– Так у них, наверное, и Интернет нет.

– Вот тут – извините. Я иногда заглядываю на сводную статистику своего сайта по странам: боже, откуда только ко мне не заходят! Из Сыктывкара и прочих российских городов – это хоть объяснимо; но – из Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии, Сирии, Ливии, Пакистана?!

– В каких только гаремах наша не пропала.

– Именно эта мысль всегда приходит мне в голову!

Юрий ВАСИЛЬЕВ

1.09.03
196